

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

*Устное народное
творчество пациентов*

Совет да любовь. Проза Натальи Нестеровой (АСТ)

Наталья Нестерова

**Устное народное творчество
пациентов (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Устное народное творчество пациентов (сборник) /
Н. Нестерова — «АСТ», 2016 — (Совет да любовь. Проза Натальи
Нестеровой (АСТ))

ISBN 978-5-17-096764-3

Доводилось ли вам неожиданно «загреметь» на больничную койку? Думается, что мало найдется на земном шаре людей, которых миновала чаша сия. И вот в палате вас ожидает сюрприз – чрезвычайно болтливая соседка, которая мелет чушь и днем и ночью, доводя до головокружения, и заткнуть этот «фонтан» не представляется возможным. Дамочка чешет языком без остановки, она не только знает всё на свете, но даже может изложить сведения о личной жизни всех врачей этой больницы, словно стояла над ними «со свечкой». Порой кажется, что от нее нет спасения, но в один не очень прекрасный день всё меняется... Светлые и трогательные рассказы Натальи Нестеровой заставляют улыбнуться и поднимают настроение, даже если оно на нуле. А когда смеются женщины, улыбаются боги...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096764-3

© Нестерова Н., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Карантин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталья Нестерова

Устное народное творчество пациентов. Сборник

Карантин

Бывшую жену Борис называет Морской Свинкой.

– Почему? – спрашивает Инна.

– Это животное вовсе не свинка, к отряду грызунов относится и плавать не умеет. В середине шестнадцатого века зверьков привезли в Европу из Америки. Оказалось, что их мясо по вкусу похоже на молочного поросенка, поэтому – свинка. Морская, потому что из-за моря.

– Какое это имеет отношение к твоей бывшей? – продолжает недоумевать Инна.

– Она с первого взгляда ласковая, пушистая. Глазки наивные, ручки трогательно маленькие, голосок тоненький, взор беспомощный.

– А на самом деле?

– На самом деле – тупой грызун, грызуниха, – поправился Борис, – у нее вечно зудят клыки, пилит и пилит. Насмотрелась телевизора, начиталась пошлых журналов и отчаянно завидует другим самкам, которые продали свою внешность за более дорогие квартиры, дачи, машины, бриллианты. Я не мог водить Свинку каждую неделю в клуб, где столик пять тысяч евро стоит – значит, загубил ее жизнь.

– Печально.

– Ты ведь тоже разошлась с мужем?

– Да, – вздохнула Инна.

– И к какому биологическому виду относился твой супруг? Из пресмыкающихся?

Борис всегда любил животных, вспомнила Инна. Постоянно тащил в дом всякую живность, пропадал на станции юных натуралистов, при которой был маленький зверинец. Биологом правда не стал.

– Мой экс-супруг, – включилась Инна в игру, – тоже грызун. Постоянно точил мне душу, сообщая, что Маня-Галя-Варя-Наташа и далее по списку лучше меня готовят, одеваются, выглядят. При этом он – собака, пес гуляющий. Как выяснилось, с прелестями Мань и Варь предметно знакомился. Такого животного в природе нет.

Борис задумался: почесал затылок, дернул себя за ухо, потер нос... Он и в детстве, опять вспомнила Инна, когда размышлял о чем-то, тербил пальцами лицо: то нос потрет, то в ухе пальцем ковыряет, то чуб закручивает...

– Есть! – воскликнул Борис. – Есть такое животное. Отряд грызунов, семейство, кажется, беличьих. Луговая собачка. Внешне похожа на желтого суслика. Обитает в центральных и южных районах Северной Америки. Назвали собачкой, потому что издает лающие звуки. Кстати, природный переносчик чумы.

– Насчет чумы – верно, – улыбнулась Инна. – Тебе и мне повезло, в кавычках, с грызунами. Хочешь еще чаю?

Они сидели на кухне у Инны. Квартира Бориса – напротив, через лестничную площадку.

* * *

Их родители дружили и часто маленьких Инну и Бориса, когда уходили вечером в кино или в гости, оставляли в одной из квартир. Борис на три года старше, поэтому командовал и

заставлял Инну играть в войну, изображать диверсанта, прятаться в шкафу. Из оружия выдавал только маленький пистолет, а сам обвешивался ружьями и автоматами с головы до ног. Поиграть в дочки-матери его не удавалось заставить даже с помощью громкого рева. Плачущую Инну Боря запирали в ванной: ори, пока не поймешь, что глупые куклы не могут сравниться с казаками-разбойниками.

Только однажды Инна уговорила Бориса изображать королевский двор. Инна нарядилась в длинную, с оборками, юбку Бориной мамы, получилось – до пола, как у настоящей принцессы. Босоножки на шпильке обула. Велики, понятно, но зато каблук кокает так прекрасно! На голову Инна водрузила гипюровую белую штору (в стопочке чистого белья нашла). Принцесса без фаты – это не королева. Борька сопротивлялся: принцы ходили в идиотских коротких раздутых штанах, – но потом согласился. Чтобы создать объем, натолкали ему в папины шорты пластиковые пакеты, которые Борина мама складировала в отдельном ящичке кухонного стола. В качестве короны «принц» использовал металлическое сито. И еще требовал не то скипдр, не то скидепер. Короче – у царей в руках эта штука всегда должна быть. За скипетр сошел веник на длинной ручке.

– Чего делать надо? – спросил Борька, когда нарядились.

Инна точно не знала. Но ответила гордо (гордость – основная характеристика принцесс):

– Прохаживаемся.

Несколько минут они прохаживались по небольшой квартире: прекрасная принцесса с заплетающимися каблуками, следом принц с веником. Инна рассматривала себя в зеркалах, в темных окнах, в стеклах мебели.

Инна себе очень нравилась, а Борис твердил безостановочно:

– А делать чего?

Только Инна сообщила, что следующим номером должны быть танцы, как пришли родители.

– Боря! – воскликнула его мама при виде сына, из штанов которого вываливались полиэтиленовые пакеты.

– Это все Инка, – предательски пожаловался он. – «Ты принц, ты принц...»

– Инна, немедленно разуйся! – потребовала ее мама. – Сломаешь дорогую обувь.

До игры в самураев, ради которой Боря согласился быть принцем, дело так и не дошло.

Хотя их папы и мамы лелеяли надежду породниться, а во дворе Инну и Борю дразнили женихом и невестой, сами они никогда не питали друг к другу иных чувств, кроме братско-сестринских. Три года разницы в возрасте – это непересекающиеся дворовые компании. Да и гуляли они редко: Инна в музыкальную школу ходила и на фигурное катание, Боря занимался самбо, а каждый свободный час проводил в зверинце. Мальчик Боря девочками не интересовался, считал их скучными плаксами. Девочка Инна смотрела на мальчишек как на источник хулиганства. Когда Боря вступил в пору интереса к противоположному полу, Инна, по малолетству, в круг его внимания не входила. Когда Инна созрела до мысли: не такие уж они хулиганы и с ними очень весело, Боря уже учился в Москве.

Под напором родителей, которые не видели в увлечении животными материальных перспектив, Борис поступил на экономический факультет престижного столичного вуза.

Приехал после зачисления. Сидели во дворе на скамеечке. Борька взрослый до невозможности, курит. Инна в девятый класс перешла. Хотя некоторые из сверстниц уже фигурами мадонны, Инна по-прежнему – щуплый галчонок.

– Зачем поступал-то, если не хочешь быть экономистом? – не понимает она.

– Предки настояли, во-первых, – выпустил столбом дым Боря. – И где-то они правы. Ну что биолог? В школе преподавать за три копейки? Или в ветеринары податься? Хотя есть чер-

товски интересная специальность – этология, наука, изучающая поведение животных в естественных условиях. Например, львы...

– А во-вторых? – перебила Инна, потому что про зверье Борька может говорить часами.

– Во-вторых, никто не верил, что пацан из провинции, без блата и связей, может поступить на этот факультет. Меня разобрало: неужели не возьму высоту? И разве москвичи из другого теста? Знаешь, как я занимался! Ты меня последний год видела? Правильно, не видела, потому что двадцать часов в сутки сидел за учебниками. Но ведь прорвался, – не без гордости заключил Борис.

Инну в то время уже интересовала психология. Удивительная наука, которая объясняет мотивы поступков человека, источники его проблем, классифицирует характеры и темпераменты. Но психология, как и биология, считалась не хлебной профессией. Где в их областном, но не крупном городе трудиться психологу? – справедливо спрашивали родители. Иное дело учитель музыки – только на частных уроках можно небедно существовать. И вообще, профессия для женщины самая подходящая: интеллигентная плюс оставляет много времени для семьи.

Когда Боря выбросил окурочек и сладко потянулся, Инне захотелось продемонстрировать знания, почерпнутые из книг по популярной психологии:

– Твое гигантское честолюбие – замечательное качество. Не каждому дано. Как мощность двигателя: у одного – три лошадиных силы, у другого – триста. Вопрос, на что мощность расходуется. Ты бросился на высоту, которая тешит самолюбие, взял ее, но при этом предал свою мечту

Боря ее слова всерьез не воспринял. Инна не входила в список личностей, мнение которых интересовало Борю. Кроме того, заботили Борю в тот момент совершенно другие чувства.

Только насмешливо похвалил:

– Какие мы умные стали!

А потом спросил Инну, не уехала ли Танька из семнадцатой квартиры, видела ли Степку. Танька была известной распутницей, Степка – шалопаем и гулякой. В Степку влюблялись все девочки их двора, он умел рассмешить до икоты. Инна какое-то время тоже тайно сохла по Степке, но к девятому классу поняла: Степка – веселый пустоцвет.

Услышав, что Инна понятия не имеет о Таньке и Степке, Борис поднялся:

– Пока, соседка! Ух, красота! – снова потянулся, расправил плечи. – Имею право, заслужил, оттянуться по полной программе. В загул, в загул – и никаких сомнений. А ты, Инка, марш домой, природоведение и чистописание изучать.

Глядя ему в спину, Инна не испытывала терзаний, скорее – брезгливость. Какого рода загулу хотел предаться Борис, ясно: пиво, спиртное плюс девицы вроде Таньки из семнадцатой квартиры.

И в последующие годы их судьбы крутились на непересекающихся орбитах. Инна поступила в музыкальное училище. Борис, еще студентом, занялся бизнесом, оказавшимся успешным и прибыльным. Университет Боря заканчивал совладельцем кирпичного завода в Подмосковье.

О выдающихся успехах Бори знали со слов его родителей, которые, понятно, гордились, но и слегка пугались стремительного обогащения сына.

Короткие встречи почти не сохранились в памяти. Боря на сутки приезжал к родителям, которые не знали, чем его ублажить, пичкали разносолами, будто сыночек в столице голодал. Инне не до застолий, надо мчаться на репетицию, у них показательный концерт в училище.

Быстрые диалоги при неожиданной встрече на лестничной площадке.

– Привет, ты как? – здоровается Боря.

– Отлично. Все хорошо, но никто не завидует. А ты?

– Аналогично. Но завистников приходится отстреливать.

– Seriously? – пугается Инна.
– Шучу, – успокаивает Борис. – Инка, ты, – неопределенно вертит рукой с сигаретой, – сформировалась, похорошела.

Примитивный комплимент в сравнении с теми, что она слышит последнее время.

– Боря, хотелось бы поговорить, но...

– Ясен пень, торопишься?

– Не то слово – горю. Пока! Увидимся.

– Обязательно. Инка?

– Что?

– Блюда честь смолоду! – насмешливо грозил пальцем Боря.

– Спасибо, что напомнил.

Боря приезжал все реже. Не каждые два месяца, а раз в полгода. Навезет деликатесов, осыплет подарками – и был таков. Звонил, конечно, регулярно.

Когда Борина мама тяжело захворала, а от него скрывали (как же: мальчик так занят!), Инна позвонила Борису в Москву:

– Привет, буржуй!

– Кто это?

– Дед Пихто!

– А по голосу – не дед, а, пардон, баба!

– Он еще шутит. Это Инна. Ты, конечно, дико занят. Родители, что мои, что твои, плавают: Боречка у нас лишний миллион в поте лица заколачивает.

– Инна? У вас проблемы?

– И у тебя, думаю. У твоей мамы очень плохо с сердцем. Лежит в больнице, врачи разводят руками: мол, возрастное. Глупости! Не верю. Пятьдесят лет – не девяносто. Наверняка можно вылечить. Но в нашу больницу со своими простынями, чашками, ложками и туалетной бумагой ложатся. Твою маму лечат аспирином, потому что других лекарств не имеется, а нам твердят: возрастное. Чего молчишь?

– Понял. Соображаю. Спасибо, что позвонила.

Боря несколько дней сидел на телефоне: связывал московских медицинских светил с областными, которые докладывали результаты исследований и анализов, диагнозы озвучивали. Потом Борис приехал вместе со столичным профессором и мешком лекарств. В больнице был фурор. Даже губернатор, сопровождая московского гостя, прошелся по скорбным госпитальным коридорам.

Борина мама резко пошла на поправку. Лекарства ей, конечно, помогли. Однако, с точки зрения Инны, главную скрипку сыграло бурное участие сына: он сражался за мамино здоровье с исступлением артиста, выступающего на главном концерте. (У Инны в ту пору все сравнения были исключительно музыкальными.)

– Дорого тебе обошлось? – не удержалась Инна от вопроса, когда все закончилось: профессор убыл в столицу, Борина мама вернулась домой.

– Новенький «Мерседес», – ответил Борис. – Мечтал о навороченной тачке, откладывал. А сколько потерял за две недели отсутствия в бизнесе! Не сосчитать.

Хотя Боря ответил честно на ее же вопрос, Инна не удержалась от упрека:

– Мамино здоровье на «мерседесы» меряешь.

Борис посмотрел на нее, как смотрят на человека, который дилетантски судит о вещах сложных, понимать не понимает, а мнение имеет.

Вздыхнул и попросил:

– Присмотри тут за ними, ладно?

Когда Борис собрался жениться, привез невесту знакомить, Инна отсутствовала. В летнем детском лагере работала музыкальным преподавателем. В том же лагере главным воспитателем был Олег, ее будущий муж. Их роман походил на отравление веселящим газом – постоянное радостно-возбужденное настроение днем, фантастические свидания по ночам. Спали не больше двух часов, но энергия была ключом.

На свадьбу Бориса, в Москву, Инна не ездила. Две пары родителей отправились без нее. Олег вывихнул ногу, и забота о его правой нижней конечности казалась Инне важнее любых празднеств. И выбора не могло быть: пышное венчание в столице, банкет в дорогом ресторане или страдающий Олег, которому требовались то холодные, то горячие компрессы, то чаю, то коньяка, то борща, то поцелуев.

Отец Инны, вернувшись из Москвы, отозвался о свадьбе кратко:

– Богато гуляли.

Мама о невесте сказала:

– Миленькая.

Через полгода и у Инны была свадьба. Боря с женой пригласили, но они не приехали. Прислали щедрый подарок – тысячу долларов.

Так и получилось, что Инна в глаза не видела Бориной жены. Он практически перестал навещать родину. Его мама и папа теперь сами ездили в Москву летом, на две недели. Долго, целый год готовились, а возвращались не особо счастливые. И неизменно говорили о Бориной жене:

– Она миленькая.

«Миленькую» Инна не увидела, даже когда случилось несчастье: родители Бори погибли в автомобильной катастрофе. Приехал хоронить один. Черный от горя, со зримыми самоупреками на лице: я так мало о них заботился – Боря не располагал к вопросам, которые вертелись у Инны на языке. Что за жена, которая не потрудилась проводить в последний путь родителей мужа?

Да и сам Боря не дождался поминок на девять дней:

– Не могу остаться. Вот деньги, пожалуйста, организуйте как следует... девять, сорок дней...

– Боря! – нахмурилась мама Инны. – Мы, конечно, организуем поминки. Но устанавливать памятник на могиле...

– Через несколько месяцев, когда земля осядет, – подхватил отец Инны. – Деньги-то ты пришлешь, не сомневаемся...

– Но самому надо бы присутствовать, чтобы по-людски, – тихо закончила мама Инны.

На установку памятника (самого роскошного по их местным возможностям) Боря приехал.

А через два года умер от инфаркта отец Инны. Борис выразил глубокое соболезнование... по телефону. И прислал столько денег, что хватило и на похороны, и на поминки, и на памятник...

* * *

– Хочешь еще чаю? – спросила Инна.

– Да, пожалуйста. Вкусный у тебя чай. Нечто особое?

– Конечно, – разливала по чашкам Инна. – Места, как ты помнишь, у нас грибные.

По весне отравляюсь на поиски галлюциногенных грибочков, ты сейчас от них удовольствия и получаешь.

– Seriously? – вытаращил глаза Боря.

Инна покачала головой:

– Всего лишь мята и зверобой. В Москве с чувством юмора плохо? Или тебя бизнес разучил шутки шутить?

– И то, и другое. Плюс развод. Варфоломеевская ночь, помноженная на еврейский погром и возведенная в степень извержения Везувия на Помпеи. Я полысел даже, видишь? – Борис ладонью сдвинул волосы со лба.

– Ерунда, мелочь, совершенно незаметно. А вот у меня на фоне развода появилась экзема, – с изощренным хвастовством поделилась Инна. – Живот, руки и ноги покрылись зудящими красными пятнами. Чесалась ночью и днем. Особенно привлекательно смотрелось на частных уроках: барабанит за немалую плату по клавишам ребенок, а преподаватель то под кофту руку запускает – чешется, то локоть скребет, то колено.

– Мощно, – оценил Борис. – Как прошло?

– Благодаря интеллекту.

– У женщин встречается интеллект?

– Редко, но бывает.

– А по пунктам?

– Пункт первый: обычно женщины все несчастья, связанные с подлыми мужиками, копят и складывают, берегут и лелеют. Но при любой возможности вытаскивают на свет божий и природно демонстрируют свои накопления.

– Согласен. Морская Свинка обожала рассказывать приятельницам про мои ужасные пороки. Заметь, ее приятельницы – жены моих коллег по бизнесу. Верх тупости! На меня смотрели как на придурка: с бабой справиться не может. Пункт второй имеется?

– А как же! Дочесавшись почти до костей, я разозлилась. И решила свои беды обернуть своими достижениями – пункт второй.

– Еще понять бы, что ты сказала... – принялся выкручивать ухо Борис. – По-прежнему увлекаешься психологией?

– Да. Наш педагогический институт превратили в университет. Открыли факультет психологии. На фоне развода я поступила на вечернее отделение.

– И преподаватели помогли тебе избавиться от чесотки?

– Перестань выкручивать уши, не нервничай. Преподаватели у нас так себе. Они хороши как погонялка перед экзаменами. Сама справилась. Приказала себе: «Заруби на носу: ты приобрела ценный опыт, продолжаешь жить, у тебя новые интересы, увлечения, и все у тебя будет отлично, потому что теперь тебя на кривой козе не объехать». Кстати, «заруби на носу» – это конкретно. Как только подкатывало желание поплакаться на судьбу, я подходила к зеркалу и била себя по носу: «У тебя новая жизнь...» – и далее по тексту.

Борис рассмеялся.

– Что смешного? – спросила Инна.

– Представил тебя перед зеркалом, как бьешь себя по носу и приговариваешь кодирующую установку. Нос не распухал?

– Бывало. Зато экзема прошла. Ваня, сыночек, очень тосковал без отца, все время ждал папу. Приходилось его развлекать, отвлекать и всячески изображать, что жизнь наша прекрасна. В какой-то момент обнаружила, что мама в мое отсутствие клеймит Олега, бывшего зятя, на чем свет стоит. Прихожу домой, а Ванька мне заявляет: «Мой папа нехороший, его надо гнать поганой метлой». Мамина терминология. Пытаюсь ей объяснить, что нельзя маленького сына настраивать против отца, она упорно стоит на своем: метлой и точка. Словом, тоже конфликт, требовалось урегулировать.

– Сколько Ване?

– Скоро четыре. А твоей дочери?

– Пять лет.

– Скучаешь без нее?

Инна спросила из вежливости. Она считала, что мужчины проявляют любовь к детям, только если видят чадушек постоянно, живут с ними. А с глаз долой, из сердца – вон. Тому подтверждение не только Олег, который был неплохим отцом, а после развода не допросишься погулять с сыном, алименты платит с «белой» зарплаты, хотя «черная» в три раза больше. У многих разведенных женщин та же ситуация: папы «выходного дня» редкий выходной проведут с ребенком.

– Безумно скучаю, – ответил Борис. – Моя Ксюха – это чудо. Млею и рассиропливаюсь, когда дочка рядом, бери меня голыми руками, на сопротивление не способен. Ксюха такая... прекрасная, потешная, трогательная, волшебная...

– Но ради нее ты не стал сохранять семью?

– Это было не мое решение. Долго рассказывать, да и не хочется трясти грязным бельем. Печально, что Ксюше не повезло с матерью.

– Так ты полагаешь, – ухмыльнулась Инна, выделив «ты».

– Полагаю верно. Есть животные, медведицы например, которые долго заботятся о потомстве. А есть те, у которых период материнства очень короткий, и сожрать могут с аппетитом собственное дитя. Морская Свинка, когда принесли Ксюху из роддома, знаешь, что сказала? «Она вырастет и будет выдавать мой возраст». Каково? Малышке семь дней от роду, а Свинку заботят не кормление, не уход за младенцем, а то, что через двадцать лет дочка станет ее краше. И далее – в том же ключе пошло-поехало. Мама есть, но мамы нет, очень занята подгонкой своей внешности под мировые гламурные стандарты. Няни – какие попало, случайные личности. Одна – алкоголичка, за две недели вылакала весь коньяк и виски из бара, чай в бутылки налила. Другая... Да, что там вспоминать! Ксюха для Свинки – инструмент давления на меня. Инструмент был задействован на полную катушку при разводе. Адвокаты постарались ободать меня как липку. Если бы все дочери досталось, не столь обидно было бы.

– Но ты-то пару-тройку миллиончиков наверняка заныкал?

Инна назвала, по ее представлениям, несусветную сумму – в качестве шутки. Но Борис посмотрел на Инну внимательно, развел руками: возможно – угадала, возможно – ошибаешься.

– Борис, почему ты решил вернуться домой, на родину? Из Москвы по доброй воле не уезжают. Все стремятся в столицу, когтями цепляются. Сколько с нашего двора уехало. Галя, помнишь, из двадцатой квартиры, окончила педагогический, по специальности учитель истории, в Москве работает в пункте обмена валюты. Сережка Никитин водителем устроился, Маша Кравцова подъезды моет. И никакими калачами их обратно не заманишь.

– До уборки подъездов я не докатился, но общипали меня изрядно. Решил начать все заново, тут. Буду строить цементный завод, государство поможет.

– Я слышала, что в бизнесе очень выгодно присосаться к госбюджету.

– Оказывается, ты не только в психологии разбираешься, но и в бизнесе, – насмешливо похвалил Борис, отсекая продолжение разговора о его делах.

* * *

Пока ремонтировалась квартира Бориса, он жил в гостинице.

Мама Инны, Анна Петровна, сокрушалась:

– Это ж какие деньги! У нас бы остановился, в тесноте да не в обиде.

– Спасибо, тетя Аня, – отказывался Борис. – Работаю с утра до ночи, суетой и бесконечными телефонными звонками замучил бы вас. В гостинице и сорочки постирают-погладят, кровать застелют и уборку сделают.

– А я не постирала бы тебе? И бесплатно. Деньги на ветер швыряешь.

Инна, когда мама вышла, сказала Борису:

- Кажется, она не оставляет надежды нас поженить.
- Я теперь в ЗАГС только под дулом пистолета.
- Да и у меня карантин. Не приведи Господи! – перекрестилась Инна.

За ходом ремонта следила Анна Петровна. Хотя Борис ее не уполномочивал, тетя Аня каждый вечер отчитывалась: циклевали паркет – в большой комнате под окном темные пятна остались; положили плитку в ванной – криво, сразу не заметно, но если присесть, отчетливо видно; потолок красили по мокрой шпаклевке, обои в спальне клеили – три рулона остались, а потом испарились.

Борис приезжал и устраивал строителям разнос.

Мама восхищенно передавала Инне:

– Из Боречки настоящий строгий начальник вырос. Не кричит, не ругается, но говорит жестко, почтение вызывает, даже меня пробирает. Мол, циклевку повторить, даром что уже первый раз лаком покрыли, плитку снять, положить заново, стоимость материала вычитается из оплаты. Сказал как отрезал. Ах, какой славный мальчик!

– Мамочка, ремонт Бориной квартиры только благодаря тебе по высшему разряду проходит. Сомневаюсь, чтобы Боря приседал в ванной или заглядывал под радиаторы в большой комнате.

– Он мне теперь деньги оставляет, чтобы рассчитываться за вывоз мусора или доставку материалов, – хвасталась Анна Петровна.

– Намекнуть, чтобы платил тебе как прорабу?

– Фу, Инна, что говоришь! Боря мне родной. А как славно он с Ванечкой общается! Последний раз приезжал и рассказывал Ване... про млекопитающих... пресмыкающихся...? Словом, про разных гадов, змей и ужей. Такой мужчина у тебя под боком, лучшего и не надо, с детства...

– Мамуля! Мы с Борей уже обсудили возможность нашего союза.

– И что? – замерла Анна Петровна.

– Сошлись во мнении, – специально тянула Инна.

– В каком?

– Матримониальные планы не интересуют ни меня, ни его. Совместные – тем более. Лучше быть хорошими друзьями, чем плохими...

– погоди! Материальную сторону обсуждали? Да я, пока в силе...

– Не материальную, а матримониальную, что означает – супружескую, с браком связанную.

– Инна! Скажи мне по-человечески!

– Мы никогда не станем мужем и женой. Мамочка, смирись с данным фактом.

– Нет, то есть – да! Можно подумать, что я вас сводила.

– Разве нет?

– Вы на горшках сидели, а мы уже мечтали... – навернулись слезы на глаза Анны Петровны.

– Родная моя, не печалься, – обняла Инна маму, – ведь никто не страдает. Не сходится у людей, что ж тут поделаешь.

И в соответствии с канонами психологической науки Инна перевела разговор на другую тему, для Анны Петровны не менее важную. Завела речь о возможных коммуникативных проблемах у Вани, который некоторых людей на дух не переносит. Может заявить взрослому человеку, например доктору: «Я тебя не люблю и разговаривать не буду!»

– Да, этот доктор! – мгновенно реагировала мама. – У него из носа волосы растут! Не пугал бы детей, подстриг.

Мебель Борис заказал в Италии. Хотя Анна Петровна болезненно реагировала, когда старые, еще родительские, диваны и шкафы оказались на помойке, все-таки вынуждена была признать: квартиру Боря обставил замечательно. За сборкой мебели, монтажом кухни следила, естественно, Анна Петровна.

Борис не сходил у нее с языка. Каждый вечер Инна слышала от мамы восхищенные отзывы: Боречка в высших сферах вращается – заглянул на минутку, торопился на ужин к губернатору; Боречка телевизор купил в полстены; Боречка за свои деньги подъезд покрасил и перила на лестнице починил...

Инна про Борины успехи слушала вполуха. У Инны свои проблемы неожиданно возникли. Бывший муж вознамерился вернуться в семью. Захотел – и точка. Будто не было развода, будто Инна только и грезила получить его обратно. Инна мечтала забыть Олега как страшный сон, никогда не видеть, вычеркнуть из памяти унижения, капризы, придирки, которыми славен Олег.

Он способен легко вскружить девушке голову, но когда вращение останавливается, оказывается, что рядом с тобой самовлюбленный болван, к тому же сильно пьющий, зарабатывающий крохи, которые пускает исключительно на собственные нужды, влезающий в бесконечные долги, расплачиваться по которым должна ты.

С Инной он разговаривал едва ли не как благодетель: мол, радуйся, что я возвращаюсь. Олег никогда не слушал и не слышал того, чего не желал слышать. Инна привела массу доводов против его возвращения, а Олег сказал, что у него на нескольких сорочках пуговицы отлетели, надо пришить.

Инна твердо заявила:

– Ноги твоей не будет в нашем доме!

Олег процедил сквозь зубы:

– Я там прописан, имею право жить, воспитывать своего сына.

Вспомнил о сыне!

Олег назначил дату своего переселения. Инна ждала этого дня как конца света. Что ей делать? Полицию приглашать? Но по закону Олег имеет право на площадь. Следовательно, имеет право превратить ее жизнь в перманентный кошмар. Она не могла сдаться и не знала, как бороться. В конце концов, решила забаррикадироваться. Глупо, конечно, завалить входную дверь тумбой, не открывать на звонки Олега, из-за двери просить его уйти. С другой стороны, бывший муж отчаянно труслив и не станет вызывать милицию, перед которой дрожит как заяц. Позвонит, позвонит – и уберется восвояси.

Ее планам помешал Борис. Явился к ним вечером, мама ужином гостя накормила, а потом ушла в комнату и Ваню забрала. Хоть маме и было интересно наблюдать общение Инны и Бориса, старалась оставлять их наедине.

– У тебя неприятности? – спросил Борис, потягивая чай.

– Нет, все в порядке. А ты не торопишься? – в свою очередь и не очень вежливо спросила Инна.

– Не тороплюсь.

– Странно. Обычно ты спешишь.

– Не сегодня. Ладно, Инка, колись. Что там с луговой собачкой?

– Тявкает, как водится.

– И собирается лаять тут? – Борис ткнул пальцем в пол.

– Мама донесла?

– Угу, – кивнул Борис. – Могу чем-либо помочь?

«Если уберешься поскорее», – мысленно ответила Инна, но вслух только поблагодарила, отказалась от помощи, выразительно посмотрела на часы.

Борис и не думал уходить, продолжил расспросы:

– Твой бывший здесь прописан? Зачем ты это сделала? У него нет собственной площади?

– В свое время о таких пошлых реалиях, как прописка, я не думала, поскольку витала в облаках. Площадь у Олега есть, однокомнатная квартира, бабушкино наследство. Олег хочет квартиру сдать, поскольку бедствует – с работы выгнали, на водку не хватает, доверчивые барышни с жилплощадью и некоторым материальным доходом в нашем городе, похоже, закончились. Боря, ты не обидишься, если я попрошу тебя уйти?

– Не обижусь. Просто не уйду. Извини. Женская душа – потемки. Ты абсолютно уверена, что не хочешь слышать тьяканье луговой собачки? Может, в тебе только гордость бушует?

– Не строй из себя психоаналитика. Если моего бывшего мужа убить, высушить, стереть в порошок, то получится отличное рвотное средство.

– В порошок я тебе не обещаю, но...

Инна забыла, что у Олега есть ключ от их квартиры.

Они услышали тревожный голос Анны Петровны:

– Что это? Чемоданы? Куда ты вносишь?

И голос Вани:

– Папа, ты к нам приехал жить?

Инна и Борис выскочили в прихожую. Олег от лифта носил свой скарб – коробки, чемоданы.

– Нет! Нет! – испуганно воскликнула Инна.

– Через мой труп! Через труп! – твердила Анна Петровна.

– Отойдите, подвиньтесь, – велел Олег, вещи которого уже не помещались в начале прихожей.

На пассивное сопротивление женщин он внимания не обратил.

– Щ-щ-щас! – нажимая на «щ», прошипел Борис и добавил раскатисто: – Р-р-разбежались!

Он шагнул вперед, схватил Олега за грудки и рванул на себя. Олег не удержался на ногах и упал коленями на близстоящую коробку.

Получилось: Олег стоит на коленях перед Борисом, пытается вырваться.

– Ты, собачка луговая, – мотал Борис Олега из стороны в сторону, – опять чуму сюда хотел принести? Тебя здесь ждали? Звали?

– Какая собачка? – растерялся в первые секунды Олег. – Кто это? Пусти, козел!

– За «козла» ответишь.

Боря с силой припечатал голову Олега к зеркалу. Раздался неприятный звук, стекло едва не треснуло.

«Как грубо!» – мысленно ужаснулась Инна.

«Молодец, Боречка!» – подумала Анна Петровна.

Олегу наконец удалось вырваться, стать на ноги.

– Кого ты привела? – кричал он на Инну. – Бандита, я сейчас милицию...

– Чего ж сразу милицию? – насмешливо спросил Боря. – Ты мне сам вмажь, давай, не дрейфь! – Боря развел руки в стороны, повернув голову, подставив щеку, как бы приглашая ударить. – Ну? Герой? Или ты только против баб герой?

– Кто это, я спрашиваю? – верещал Олег. – Что тут делает? Как он смеет?

– Не твое собачье дело, – ответил Борис. – Пошел вон, и чтоб ноги твоей здесь не было. Еще раз заявишься, кости переломаяю.

Борис принялся футболить вещи Олега, пинками выкидывая их из квартиры. Олег невольно отступал.

И тут раздался крик Вани, о котором все забыли:

– Не смей бить моего папу! Ты плохой!

Инна испуганно ахнула. Борис резко повернулся к мальчику, который бросился на него с кулаками.

– Тихо, Ваня, тихо! – Борис легко подавил сопротивление ребенка, обнял его и понес в комнату.

Инна бросилась за ними. Анна Петровна, поднатужившись, продолжила начатое Борей – выталкивала вещи Олега на лестничную клетку.

– Не вздумай появляться, – твердила она, – Борис точно тебя покалечит, он настоящий мужик, не тебе чета.

– Я тут прописан, имею право жить, в суд подам, – дрожал от бессильного гнева Олег.

– Не выйдет: и суд, и милиция, и прокуратура у Боречки в кармане. Он с самим губернатором вась-вась. Убирайся, Олег, по-хорошему, пока цел. А из квартиры мы тебя выписываем, уже документы подали, – приврала Анна Петровна.

Инна была в шоке. Получилось хуже, чем с баррикадой. Все – из-за Бориса, грубого тупого мужлана. Избивать отца при сыне! Нанести Ванечке страшную душевную травму! Мальчик не скоро избавится от потрясения, если вообще избавится.

Она кружила вокруг Бориса, который силой подавлял Ванину истерику, и не знала, что делать.

Ваня выкрикивал детские проклятия:

– Ты плохой, гадкий! Ненавижу!

Борис ловил руки мальчика, прижимал к себе и уговаривал:

– Тихо, успокойся, все хорошо. Мы сейчас поговорим, все выясним.

– Борис! Отдай мне ребенка и немедленно уходи! – потребовала Инна.

– Не мешай! – повернув на секунду к ней голову, приказал Борис. – Мы с Ваней поговорим по-мужски. Ванька, ты мужик? Значит, перестань вопить. Давай разбираться.

«Истерику у Вани, – невольно отметила Инна, – без слез. Кричит, но не плачет».

– Хватит, я сказал! – потрянул Борис мальчика. – Что ты как девчонка? Замолкни. Так, хорошо. Теперь спрашивай.

– Зачем ты моего папу не пускал и бил?

– Во-первых, бил не сильно. Во-вторых, твой папа – дерьмо.

– Борис! – ужаснулась Инна. – Как ты смеешь? Немедленно прекрати!

– Почему дерьмо? – спросил Ваня.

Ни сын, ни Борис не обращали на нее внимания.

– Потому что если бы он здесь поселился, то мучил бы твою маму и бабушку. Они чахли бы, чахли и скоро умерли. Ты хочешь, чтобы мама и бабушка умерли?

– Не хочу. Но папа не злой.

– Это еще не доблесть. Кстати, за то, что сегодня твоего папу немного потрепал и плохо обозвал, я готов извиниться. Но не сейчас, а через несколько лет. Ты мне напомни, я попрошу прощения. Ваня, я тебе объясню на примере волчьей стаи. Когда подрастают волчата, их отец...

– Не хватало моего ребенка воспитывать на примере животных! – Инна решительно потянула Ваню за руку. – Иди ко мне, дорогой. Иди, мы сейчас с тобой...

– Инка! – скривился Борис. – Оставь ты нас в покое, дай поговорить. Ваня, скажи маме, что у нас мужской разговор.

– Мама, пожалуйста! – вырывая руку, попросил Ваня.

Инне ничего не оставалось, как уйти на кухню, где ее собственная радостная мама воспевала кулачные доблести Бориса. И ведь маме не объяснишь, что случилось ужасное – Ваня серьезно травмирован. Мама сама гадости об Олеге говорит и всякого, кто разделяет ее мнение, поддержит. Сколько Инна твердила, что мальчик должен воспитываться на авторитете отца. «У Олега, – отвечала мама, – авторитета ноль целых, ноль десятых».

А если Ваня в качестве объекта для подражания выберет Бориса, привяжется к нему? Это будет трагедией. Чужой дядя никогда не заменит отца. То, что прощается папе, например невыполненные договоренности, не простится выдуманному кумиру. Да и в целом Борис, с его животноводческими установками, барскими замашками, с его бизнесом совершенно не годится в качестве опекуна.

Инна едва дождалась окончания «мужского разговора». Вышла вслед за Борисом на лестничную клетку и дала волю своему гневу.

– Кто тебя просил вмешиваться? Я лично, – поправились она, – просила вмешиваться? Что ты наделал? Дубина! Унижать отца в присутствии ребенка! Кретин!

– Это по психологии нельзя дерьмо точным словом называть? Ошибается твоя наука.

– Оставь мою науку в покое! И нас оставь! Понял? Не смей вмешиваться в дела моей семьи! На пушечный выстрел не подходи к моему сыну, ко мне, к нашей двери.

– За что мне нравятся женщины, – говорил Борис, спускаясь по лестнице, – так это за их способность белое превращать в черное. Доброе дело – в злой умысел, правильный поступок – в грубый фарс. Идиотки!

– На себя посмотри! – подбежав к перилам, кричала в лестничный колодец Инна. – Зоолог доморощенный!

Укладывая Ваню спать, Инна думала, что состоится разговор о папе, готовилась сказать правильные слова о неправильных действиях дяди Бори.

Но сын не вспомнил об ужасной сцене, загадал загадку:

– Мама, у какого зверя самое большое сердце?

«Начинается!» – подумала Инна.

– У слона, наверное, – ответила Инна, – поскольку слон самое большое животное.

– Неправильно! – радостно возразил Ваня.

Детям нравится находить ошибки в утверждениях взрослых.

– Самое большое сердце, – продолжал Ваня, – у жирафа. А сердце – это насос, знаешь? Как у дяди Вовы на даче, только не воду, а кровь внутри плюет. А у жирафа голова далеко...

– Высоко, – поправила Инна.

– Да, высоко, десять метров.

– Преувеличиваешь. Метра два, очевидно.

– Да, кажется. И вот жирафское сердце, чтобы до головы достать, большущее. Здорово, правда?

– А голова у жирафа маленькая, – улыбнулась Инна. – Следовательно, мозгов мало, соображает плохо.

– Зачем ему соображать?

– Чтобы убежать от хищников, от львов и тигров например.

Они еще несколько минут обсуждали нравы мира зверей, пока Инна не велела Ване засыпать, поцеловала, пожелала спокойной ночи.

Выходя из комнаты, Инна подумала: «Лучше говорить о жирафах и тиграх, чем о папе Олеге. Хотя он и луговая собачка, благо, что Борису не пришлось на ум просвещать на этот счет Ваню. Бориса надо держать на расстоянии. Как я сказала ему? «На пушечный выстрел не приближайся». Правильно. Господи, какое счастье, что удалось выгнать Олега!»

Опасения Инны были напрасны – Борис не стремился участвовать в делах соседей. Переехав в отремонтированную квартиру, по-прежнему с утра до вечера пропадал на работе. Изредка встречаясь, Инна и Борис холодно здоровались.

Анна Петровна хотела что-нибудь подарить Боречке на новоселье. Да разве угодишь такому богачу?

– Подари ему котенка, – посоветовала Инна. – Это в русской традиции: в новый дом первым запускать кота. Кроме того, Борька обожает всякое зверье.

Мама Инны животных не любила, от кошек и собак много грязи. Но идею дочери подхватила. Съездила в зоомагазин, выяснила цены на породистых котят, пришла в ужас. Купила симпатичную крошку рядом с магазином, где за умеренную плату предлагали детенышей домашних животных. Инна, Ваня, да и сама Анна Петровна не могли не умиляться, глядя на полосатую живую игрушку. Котенок был хорошенький, игривый, трогательный. Он вызывал улыбки – постоянные улыбки иррациональной радости.

Боря, по словам Анны Петровны, пришел в восторг от подарка.

Когда малыш, резво перебирая лапками, отправился изучать квартиру, Боря сказал:

– Шустрый парень. Так и назовем – Шустрик, согласны?

– Это девочка, – возразила Анна Петровна. – Я просила девочку. От мальчиков некастрированных, говорят, дурной запах.

Борис поймал котенка, перевернул на спину, посмотрел между задних лапок.

– Вас обманули. Парень. Но я не в претензии. Кастрировать? Ни за что, только если вместе со мной.

Шустрик тосковал один в квартире, да и кормить его требовалось по часам. Поэтому Анна Петровна, к своему большому удовольствию, продолжила помогать Боречке. Котенок обитал на двух жилплощадях. Утром, после ухода Бори на работу, Анна Петровна своим ключом открывала соседскую дверь, и Шустрик трусил в ее квартиру. Инна, вернувшись с работы, Ваня, приведенный из детсада, играли с котенком. Шустрик почему-то игнорировал магазинные игрушки – искусственных мышек и стрекоз. Любимой забавой была маленькая бумажка, перехваченная длинной ниткой. Ее ввела Анна Петровна, сказав, что раньше, в деревнях, именно с такой штучкой играли котята.

Утомившись, Шустрик спал на коленях у Инны. Она сидела за письменным столом, штудировала учебники, а Шустрик тихо мурлыкал.

Самое поразительное – котенок чутко реагировал на приближение Бориса. Вскикивал, бежал к двери встречать хозяина, уходил с ним в соседнюю квартиру. Казалось бы, Шустрик должен привязаться к семье Инны, где проводит большую часть жизни. Ничуть не бывало: только Борис на порог, Шустрик стрелой к нему мчится. Чем Боря его покорила? Какие дрессировки применяет? Инна испытывала нечто похожее на ревность.

Ваня к повадкам животных более интереса не проявлял. Шустрика ему вполне хватало для удовлетворения детского любопытства. Сын был увлечен оружием, войнами, солдатами, пушками, пистолетами. Тоже настораживает, если твой сын сообщает: «Из пистолета стрельнул – только ранил, а из пушки бахнул – точно прибил». Игрушечное оружие, которое Ваня постоянно требовал, вытеснило прежде любимые машинки. Сын обожал «расстреливать» предметы из автоматов и винтовок. Только и слышалось: «Бух-бух! Бах-бах! Трах-трах! Убил!»

А если это скрытое проявление агрессии, связанное с разочарованием в родном отце? Ваня про папу говорит: «Он трус, его легко убить. Не хочу с ним гулять». С другой стороны, ребенок совершенно вменяем, здоров, радостен, отзывчив. Не капризничает, не устраивает истерик, легко засыпает вечером и встает утром. Посоветоваться бы с хорошим детским психологом. Да где их найдешь? Или расспросить достойного мужчину, что он помнит про этапы своего взросления. Но не спрашивать же Олега или Бориса. Хотя именно Борис, помнится, в детстве обожал пулеметы-автоматы. И ничего, развился до вполне активной особи. Слишком активной.

Однажды утром Анна Петровна, отправившись за Шустриком, вернулась расстроенная:

– У Бори девушка ночевала, у порога столкнулись, они вместе уходили.

– Ничего удивительного. В монахи Борька не записывался.

«Сейчас она скажет, что я мух ловлю, когда такой жених под боком», – подумала Инна. И мама действительно упрекнула:

– Зато ты у нас монашкой живешь. Инна, разве у тебя нет нормальных, естественных... – мама покрутила руками в воздухе, подбирая слова, – женских потребностей?

– Есть у меня потребности. В данный момент, например, ощущаю страстную потребность в новых сапожках.

– Я серьезно!

– Мамочка, – чмокнула ее Инна, – разве нам плохо? Ты, я, Ваня отлично живем. А тебе нужен здесь мужик, который каждое утро бреется и оставляет на раковине пену со щетиной, писает мимо унитаза, бросает грязные носки где придется, из-за которого квартира провоняет табаком?

– Он тебе нужен! И потом, не все мужчины писают мимо. Твой отец никогда не промазывал... или вытирал за собой.

– Если я встречу мужчину, хоть отдаленно похожего на моего папу, – пообещала Инна, пряча улыбку, – немедленно потащу его в ЗАГС. Клянусь.

На день рождения Анны Петровны Борис подарил корзину цветов и столовый сервиз на двенадцать персон.

– Что-то ты, буржуй, поскупился, – сказала Инна, когда они с Борей вышли на кухню. – Мог бы раскошелиться на сервизик на двадцать четыре персоны.

В комнате сидели гости – две сестры Анны Петровны и две подруги. Большого количества людей в их доме не собиралось.

По насмешливому тону Инны Борис понял, что прощен.

Но уточнил:

– Больше не дуешься на меня?

– Живи, расстрига. Хотя тебе в женщинах нравится способность белое принимать за черное, – напомнила Инна, – должна тебя разочаровать. Иногда, по прошествии времени, мы все-таки различаем цвета.

– Это следует понимать как завуалированное извинение?

– Много хочешь.

«Кажется, я с ним кокетничаю, – подумала Инна. – Вот новость».

– А что луговая собачка? – спросил Борис, улыбаясь.

– Сгинул, слава тебе господи.

– Так уж преувеличивать не стоит.

– Чего-чего?

– Я вовсе не господь.

Инна переключившись с противня, вынутого из духовки, мясо и картофель на блюдо. Обожгла палец, засунула его в рот.

Прошепелявила:

– Скромность украшает... Когда больше хвалиться нечем.

Борис стоял, прислонившись к косяку, сложив руки на груди. Улыбался и смотрел так, словно в первый раз глядел Инну.

Его последующие слова подтвердили это и повергли Инну в шок.

– Ты похожа на породистую суку, не участвующую в воспроизводстве.

Инна чуть не уронила блюдо.

Борис подскочил, удержал, забрал блюдо, повинулся:

– Извини! Сука – это только половая принадлежность, ничего ругательного.

– Ну, знаешь! – задыхалась от возмущения Инна. – Сам кобель!

– Не отрицаю.

– Еще бы отрицал. К тебе Танька из семнадцатой квартиры несколько раз приходила, не заставала, к нам звонила.

Танька, бесшабашная в детстве, веселая и заводная, мальчишкам безотказная, превратилась в грязную алкоголичку, почти бомжиху. В ее квартире был притон, который соседи разгоняли, как могли, – ведь пьянчуги дом спалят. Но саму Таньку жалели: добрая душа, хоть и пропадающая.

– Я ей один раз денег дал, – говорил Борис, – вот и привязалась.

С блюдом в руках, он, оправдывающийся, был нелеп и трогателен.

Но Инна сказала сурово, после каждого слова делая паузу:

– Твои дамы. Их статус. Моральный облик. Ко мне. Никакого. Отношения. Не имеют. Будь добр! Не втягивай. Меня. В свои романы.

– Можно подумать, когда-нибудь втягивал!

– Вот и отличненько. Чего стоишь?

– А что я должен делать?

– Нести горячее в комнату гостям. Как все-таки бизнес и – не побоимся этого слова – разврат плохо влияют на мозги.

– Да какой разврат-то?

– Шагай, шагай, – подтолкнула Бориса Инна, – герой капиталистического труда.

* * *

После маминого дня рождения прошло несколько недель. Инна жила в четком ритме: преподавание в музыкальной школе, частные уроки, редкие посещения университета. Она выбрала для себя тактику: на лекции не хожу, занимаюсь самостоятельно, на экзаменах поражаю преподавателей обширностью знаний, приобретенных во время ночных корпений над литературой по специальности. И главное, был Ваня, сын, чье взросление требовалось отслеживать тщательно. Самое сложное: удержаться от назойливой опеки, от подсказки в каждой загадке, от реализации постоянного желания тискать, целовать Ваню, своим телом закрыть от жестокого мира.

Иногда Инна казалась самой себе белкой, посаженной в клетку и тупо крутящейся в колесе. Когда-то Борис рассказывал про особенности беличьего организма. Подробностей Инна не помнила, но если белка не будет бежать, она сдохнет. Белка крутится в колесе, потому что хочет жить. Мало ли чего наговорил Борис. Мы не белки. Ваня начал проявлять интерес к компьютерным играм, а у Инны еще три курса университета впереди, пахать не перепахать.

Она конспектировала очередной заумный труд великого психолога, когда услышала голоса мамы и Бориса. Ежевечерний ритуал – Борис забирает Шустрика – сегодня почему-то затянулся. Инна отложила ручку, встала из-за стола и направилась в прихожую.

– Привет! – поздоровалась с Борисом.

Он кивнул.

«Бизнес лопнул», – подумала Инна, потому что прежде никогда не видела на лице Бориса подобного выражения тревоги и растерянности.

– Проходи, – пригласила Анна Петровна, – чаю хоть попей, и котлеты я быстро разогрею.

– Нет, не успею. Инна! Я лечу в Москву, самолет через два часа. Забираю и привожу дочь.

Шустрик восьмерки выписывал вокруг ног Бориса. Терся, но хозяин не удостоил его внимания. Инна взяла кота на руки.

«Ах, паника! – злорадно думала Инна. – А кто пел про свою любовь к дочери? Любить на расстоянии, конечно, просто. Чем расстояние больше, тем любовь умильнее. Когда требуется постоянная ответственность, тут мы празднуем труса».

– Что тебя волнует? – спросила Инна, поглаживая Шустрика за ушами. – На какой срок приезжает Ксюша?

– Боюсь... Нет, черт! Я не боюсь! Думаю, навсегда, надолго. Жена, бывшая, замуж собралась, Ксюха ей помеха. И хорошо! Я справлюсь, только мне надо организовать... няня или садик... Черт, черт, черт! У меня линия на заводе запускается, переговоры с поставщиками на каждый день расписаны, если договоры не подпишем, весь труд коту под хвост. И этот кот даже не Шустрик. Предатель, ты чего к Инне льнешь?

Инне хотелось съехидничать: мол, кто важнее, дочь или переговоры. Но это желание было мимолетным, следом за ним пришли жалость и стремление поддержать Борю, успокоить, помочь.

Раньше Инны откликнулась Анна Петровна:

– Боречка, детка! Не переживай и не волнуйся. Присмотрим за Ксюшенькой. Когда я тебе отказывала? Вези дочку, у нас поживет, с Ванечкой играть будет.

– Спасибо вам! – И, шагнув к порогу, Боря добавил: – Так в жизни получилось, что вы самые родные мне люди. Все, пока!

Закрывая за Борей дверь, Анна Петровна не без гордости сказала дочери:

– Слышала? Родней меня с тобой для Бори никого нет.

– Сколько сей комплимент накладывает обязательств, еще вопрос.

– Что ты подсчитываешь? – не поняла Анна Петровна.

– Не бери в голову. Шустрик, бродяга, где спать будешь?

Дальнейшие события подтвердили опасения Инны по поводу взятых на себя обязанностей.

Уже была поздняя ночь, когда приехал Борис со спящей на руках девочкой. Следом водитель вносил приданое Ксюши. Вещей, одежды и игрушек у малышки было столько, что хватило бы на детский сад.

«Куда мы все это затолкаем? – подумала Инна, глядя, как чемоданы и коробки заполняют квартиру. – Не пройти, не проехать». И ей вспомнилась попытка Олега вселиться со своим немалым скарбом. Пусть лучше чужой ребенок и временно, чем бывший муж и на неопределенный период.

Она вошла в комнату, где стоял у диванчика Борис и смотрел на спящую дочь. Выражение Бороного лица говорило о буре эмоций: обожание, страх, беспомощность, умиление, трепет, безмерное беспокойство – казалось, что он сейчас расплачется.

– Пойдем, – шепотом позвала Инна и за руку вывела его из комнаты. – Чего ты паникуешь? Все будет нормально.

«Расти нормально без матери, – подумала она, – ребенок не может. Ничего, Борька женится, за ним не застопорится. Только бы хватило ума выбрать женщину, которая для Ксюши станет настоящей мамой».

– Инструкции? – спросила Инна.

– Какие инструкции? – удивился Боря.

– Письменные или устные. Твоя жена должна была рассказать, какой у ребенка режим, есть ли аллергии на какие-либо продукты.

– Я не видел Свинку, – покачал головой Боря. – От няни Ксюшу забирал. Инна, это очень важно?

– Но хотя бы медицинскую карточку ты привез?

– Нет, только свидетельство о рождении.

Инна хотела сказать, что она думает о матери или, на худой конец, о няне, которые спихивают ребенка, словом не обмолвившись, как ненужную вещь. Но Инна ничего не сказала, потому что Борис еще больше запаниковал бы.

– Ладно, не дрейфь, – улыбнулась Инна. – В конце концов, это только маленькая симпатичная девочка, а не кровожадный лев. С тебя бы случилось и льва к нам привести на постой.

Про льва Борис пропустил, но ухватился за «симпатичная девочка»:

– Правда, она красавица?

– Настоящая принцесса, – подтвердила Инна, которая толком не рассмотрела Ксюшу. – Королевский уход мы тебе не обещаем, но сделаем все возможное, чтобы ребенок легко, без травм входил в новую жизнь. Правда, мама?

Инна видела по тени на полу, что мама подслушивает за дверью.

– Конечно, Боречка! – шагнула в комнату Анна Петровна. – Я со всей душой, Инна тоже, не волнуйся.

– Видите ли, – Борис сжал кулаки, потряс ими в воздухе, разжал, точно готовился произнести неприятное. – Я должен уехать. Сейчас. За границу. На переговоры с поставщиками оборудования для завода. Никому перепоручить нельзя. – Он говорил быстро и отрывисто, не то себя самого убеждал, не то Инну с Анной Петровной. – Так совпало. Все склеилось, как назло. Дьявол! Я не могу бросить работу.

«Любопытно, – мысленно задалась вопросом Инна, – он нервничает, потому что не доверяет нам заботу о своей драгоценной дочери? Так ведь уже привез ее. Или это истинно мужская щепетильность: не сваливать на других свои заботы, чтобы не выглядеть беспомощным?»

– И не бросай работу, Боречка! – всплеснула руками Анна Петровна. – Мы ли не позаботимся о Ксюше. Лучше нас – никто, сам знаешь.

– Знаю, – кивнул Боря. – Но я... словом, терпеть не могу...

– Зависимости от чужого участия? – подсказала Инна.

– Да, – ответил Боря.

Все-таки переживает по причине мужской силы, а не слабости, отметила Инна. Хотя, напомнила она себе, что ты знаешь про их силы и слабости? Теоретик.

– Денег вам оставлю. – Борис принялся суетливо доставать бумажник, вытаскивать из него купюры. – Сколько надо? Этого хватит? – протянул пухлую пачку.

Тут уж обиделась Анна Петровна:

– Убери-ка быстро деньги! Что ж мы, из корысти?

Боря растерялся.

Инна, желая облегчить его участь, тихо (и, кажется, кокетливо) рассмеялась:

– За что мне нравятся бизнесмены, так это за их убеждение, что все можно купить, оплатить, застраховать. Надо только бумажник распахнуть.

Инна пародировала Бориса. Когда ему что-то не нравилось, он говорил: «Что мне нравится, так это...» и далее следовал оксюморон, сочетание несочетаемого.

Борис понял намек, улыбнулся, попытался подхватить игривый настрой:

– Что мне нравится в студентках-психологинях, так это то, что они считают себя академиками.

Анна Петровна в очередной раз подумала: «Слушаешь их (или подслушиваешь), говорят по-русски, а про что говорят, непонятно».

* * *

Инна уходила на работу, когда Ксюша еще не проснулась. Ваня, в детский сад снаряжаемый, хотел увидеть девочку, которая теперь у них будет жить. Но мама и бабушка в один голос велели говорить тихо, чтобы гостью не разбудить, а наиграется он с Ксюшей вечером.

– Я ей пистолетом выстрелю, – подталкиваемый к двери, бурчал Ваня, которому совершенно не нравилась забота мамы и бабушки о посторонней девчонке.

Анна Петровна позвонила Инне около двенадцати, в большую перемену.

– Инночка, доченька! – глухо и торопливо говорила мама. – Не знаю, что делать. Это такой ребенок... такой...

– Мама, я тебя плохо слышу.

– Трубку рукой прикрываю. Инна! Разве я не умею с маленькими девочками обращаться? Ты у меня выросла...

– Мама, что с Ксюшей плохо?

– Все! Умываться – ни в какую, это – ладно. Сама даже трусы надеть не хочет – наряжай ее. Тоже ладно, пусть. Но Ксюша ни кашу, ни творожок есть не хочет. Подавай ей чипсы, кока-колу и эти... ганбергуры.

– Гамбургеры, – машинально поправила Инна, поразившись тому, что ребенок пробовал пищу, абсолютно для него запрещенную. – Mamочка, если Ксюша поголодает до вечера, ничего с ней не случится.

– Но девочка все время канючит, просится к Люсе.

– К маме?

– Нет, кажется, к няне. Или черт их разберет. Инна! Такой ребенок! Никогда не ожидала. У меня уже давление сто шестьдесят на сто.

– Мама! Слушай меня внимательно! Первое, выпей лекарство. Второе, поставь Ксюше мультфильмы, пусть сидит и смотрит.

Телевизор – средство антипедагогическое, но совершенно беспроегрышное.

– Уже включила, – призналась Анна Петровна. – В Ксюшином багаже этих мультиков прорва. Да какие жуткие! Нечеловеческие твари по экрану пляшут, не то жабы, не то...

– Mamочка, у меня урок начинается. Итак, повторяю: выпей лекарство и смотри, чтобы девочка не поранилась, об остальном не беспокойся. Целую. Через пару часов я дома.

Инна предположить не могла, что пятилетняя девчушка может вымотать силы и нервы до предела. Каприз на капризе и капризом погоняет. Ксюша сама не знает, чего хочет, ноет, плачет, на Ванечку кричит: «Чтобы я его не видела!» – буржуйская дочь отгоняет сына дворни. Хороши привычки!

Ксюша, ангелочек с золотистыми кудрями, довела Инну до белого каления. На Ксюшу не действовали никакие из известных способов воздействия на детскую психику – от игр в королевский замок до угроз «пальчики почернеют, если кашу не будешь есть». Внимание Бороного ребенка удерживалось не более пяти минут – на чтении книжки, на мультике, на игре в пиратов, в принцесс, в зверинец (не передались отцовские гены).

С большим трудом втолкнув в Ксюшу творожный пудинг, Инна получила корчащуюся на диване страдальцу:

– У меня животик болит! Ой, болит!

Известное дело, в книгах о детской психологии много раз описанное: эмоциональные переживания ребенок переносит на физическую немощь – способ поддержания заботы о своей персоне. То же самое происходит со взрослыми при так называемых психомоторных недугах: у человека сердце болит не потому что изнашивается, а потому что внимания к его личности не хватает. Хотя надо признать, что болит ощутимо.

– Животик часто у девочек бунтует, – присела на диванчик Инна, изо всех сил сохраняя спокойствие и поддерживая благодушный тон. – Потому что творожок, который ты съела, встретился с желудочным соком...

Ваня, обвешанный «оружием» и отчаянно ревнующий, крутился рядом.

Инна вспомнила, как Ваня однажды гостил у двоюродной бабушки. Вернулся и первое время прихрамывал, твердил, картавя: «Все болит. Ноги болят, луки болят, селце болит – усе болит, сколей бы помелеть». Это он вслед за бабушкой повторял, которая «скорей бы помереть» твердила последние двадцать лет.

Следующий день был выходным и прошел под знаком постоянной борьбы с Ксюшиными капризами. К вечеру выдохлись не только Инна с Анной Петровной, но и сама Ксюша. Вялая девочка лежала на диване и только тихо скулила, что болит животик. Тут, наконец, до Инны дошло, что с животиком могут быть настоящие проблемы. Вдруг аппендицит?

Инна вызвала неотложку. Врач воспаление аппендикса отмела, но выписала направление в больницу.

– Почему сразу в больницу? – воспротивилась Инна.

– Потому что нужно обследовать. Посмотрите на нее: бледная, синяки под глазами. Ребенок явно болен, а правильный диагноз в домашних условиях не поставить.

В приемном покое детской больницы у Инны забрали Ксюшу и пакет с бельишком, наспех собранным Анной Петровной. Медсестра, назвав Инну мамочкой (Инна не стала поправлять), велела приходить завтра и прикрикнула на Ксюшу:

– Пошли, чего расселась. Не на руках тебя нести, большая уже.

Инну замутило от мерзкого чувства облегчения: был у тебя чужой вредный ребенок, и ты от него избавилась.

Она шла по дорожке, когда позвонил Борис.

– Как там Ксюха? – спросил он, забыв поздороваться.

– Плохо, Боря, – вынуждена была признаться Инна. – Ее забрали в больницу, что-то с животиком.

Борис молчал несколько секунд, Инна только представить могла, что творилось у него на душе. И не нашла ничего лучше, как оправдываться, мол, они с мамой старались как могли, но врач неотложной помощи...

– Я буду завтра днем, – сказал Борис и отключился.

«Нас винит, – подумала Инна. – Пусть во всех смертных грехах винит, только бы Ксюша выздоровела».

Утром Инна примчалась в больницу ни свет ни заря. Ждала долго: пока врачебный обход закончится, пока медики свои дела сделают. Доктор вышел к ней около полудня.

Непроницаемое лицо, ни грама сентиментальности. Игнат Владимирович сказал, что подозревает у Ксюши обострение гастрита, предъязвенную стадию.

– Как? – воскликнула Инна. – Разве у детей бывает гастрит и язва?

– Полное отделение, десять палат, – махнул в сторону коридора Игнат Владимирович. – Мамочка, вы прежде обращались к врачам, есть медицинская карта?

Инна уже знала, что в больнице принято родительниц маленьких пациентов называть мамочками. Пришлось объяснить, что Ксюше она не мамочка, что медицинские документы отсутствуют.

Доктор скривился, но не удивился, всякого, очевидно, повидал.

Он собрался уходить, но Инна схватила его за рукав белого халата. От волнения она не могла вспомнить, как называется процедура исследования желудка.

– Скажите, а Ксюше будут... шланги, трубки... во внутрь толкать...

– Да, гастроскопию мы сделаем завтра.

– Но девочка не выдержит! – У Инны брызнули давно копившиеся слезы. – Пожалуйста, не надо!

Несколько лет назад Инне делали гастроскопию. Воспоминание из кошмарных, для ребенка подобная манипуляция вовсе чудовищна.

– Успокойтесь, выдержит, – привычный к слезам мамочек Игнат Владимирович отцепил Иннины пальцы.

– Я могу навестить Ксюшу? – с трудом взяла себя в руки Инна.

– Нет, – отрезал доктор. – Посещения родственников в нашем отделении не практикуются. И передач не нужно, ребенок на специальной диете. Книжки, игрушки – пожалуйста, но в разумных количествах.

– Но почему запрещены посещения? Это ведь больница, а не концлагерь.

– Потому что дети должны привыкнуть к тому, что здесь они лечатся, что нужно потерпеть. Все терпят, и она сможет. А визиты мамочек выбивают ребенка из колеи.

– Да, я сама психолог, – вдруг заявила Инна.

– Психологи тоже плачут. Всего доброго! – попрощался врач.

Инна еще несколько часов бродила по больничному парку, ждала Бориса. Он приехал около пяти. К этому времени Инна столько передумала, переварила, перемучалась, что обрушила на Бориса водопад упреков.

– Твоя бывшая жена не свинка морская, а детоубийца! И няни тоже гадины. Кормить ребенка чипсами, поить колой! Они сорвали Ксюше желудок. Язва у пятилетней малышки! Что это, как не подлость? Куда ты смотрел? Ты отец или хвост собачий? За бизнесом дочь не видел. Денег тебе мало? Какие деньги, когда маленькая страдает! Ты хоть отдаешь себе отчет, какая у ребенка сейчас трагедия? Мало того, что вырвали из родного дома, увезли неизвестно куда, к посторонним людям, так еще и животик сильно болит. Ксюша мучается, а ты... ты...

Инна замолкла, не подобрав слова и разглядев лицо Бориса. Клеймить его безжалостно. Серый от горя, Борис пребывал в состоянии ступора, который прямо ведет к инфаркту сердца, если не заставить человека действовать, не показать ему путь выхода из жизненного тупика. Причем заставить подчас требуется насильно.

– Боря! Смотри на меня!

Он с трудом сфокусировал взгляд на Инне.

– Соберись! – потребовала Инна.

Бесполезно. Борис смотрел на нее, но не видел. Стоит на месте, но кажется – проваливается в черную бездну отчаяния.

Инна размахнулась и влепила Борису пощечину. Он дернулся, точно опомнившись. Инна ударила по другой щеке.

– Ты чего руки распускаешь, сдурела?

Возмутился, уже хорошо.

– У нас с тобой варианты, – Инна не обратила внимания на вопрос, – первый: давай поплачем над собственными ошибками, второй: начнем действовать во благо твоей дочери. Честно говоря, я уже нарыдалась. Но если тебе нужно слезу пустить, готова подождать.

– Второй вариант.

– Ты сейчас собираешь в кучку свою мужскую волю и отцовскую любовь. И действуешь. Идешь в больницу. Лечащего врача зовут Колесников Игнат Владимирович. Договариваешься, чтобы Ксюшу положили в отдельную палату вместе со мной. Понял? Если Колесников откажет, а он крепкий орешек, топаешь к главному врачу, подключаешь губернатора, президента России, генерального секретаря ООН, бандитов, киллеров – кого угодно. Ксюшу нельзя оставлять одну. Теория тюремной изоляции больных детей – для статистического большинства госпитализированных малышей, но не для твоей дочери. Ее капризы, ах, я не сразу поняла, – это крик о помощи, а не выкрутасы избалованной девицы. Или не только выкрутасы. Каждому растению требуется вода, но одному капля в месяц, другому – ежедневный полив.

– При чем тут растения?

– Для сравнения, остолоп! Вода – это внимание, опека, выражаясь образно.

– Выражайся конкретно.

– Конкретно: твоей дочери будет очень-очень трудно в больнице, тем более с процедурами... такими анализами... о них я лучше промолчу...

– Ты трещишь безостановочно.

– Намолчалась, напередумывалась, я тут с семи утра, взорвусь, если не выскажусь.

– Валяй.

– Про что я говорила?

– Про растения.

– При чем тут... А, да! Как некоторым цветам нужен постоянный полив, так Ксюше необходимо присутствие человека, который ее опекает.

– Я готов.

– Бросишь работу? – вредно усмехнувшись, спросила Инна. – Двадцать четыре часа будешь находиться в палате с больной девочкой. Кормить ее, переодевать, укладывать спать, терпеть постоянные жалобы?

Борис шумно выдохнул, дернул себя за ухо, беззвучно – губами – выругался, посмотрел на небо, на землю, с силой ударил по валявшейся рядом жестяной банке.

– Буду, если надо.

– Похвально, молодец! – оценила Инна. – Но есть одно маленькое «но».

– Какое?

– Я справлюсь лучше тебя. Конечно, для укрепления контакта вам не помешало бы тесное общение. С другой стороны, ребенок болен, и его психика, физическое состояние...

– Инка, давай без психологии. Какая из меня нянька? Как из тюленя балерина. Что делать? – по-собачьи тряхнул головой Борис, отгоняя морок беспомощности.

Даже не подумал поблагодарить Инну за готовность подставить плечо. Борису было не до галантности.

– Я тебе уже сказала: Колесников, главврач и далее по списку. Шевели мозгами и конечностями.

– А ты?

– А я иду домой, перекусить и собрать вещи. И чтобы к вечеру была палата для нас с Ксюшей! Или ты... какое животное? Кит, выбросившийся на берег помирать. Стыдно здоровому киту на пляже самоубийством кончать. Почему-то постоянно сравниваем себя то с растениями, то с животными. Человеки! Венцы природы.

Из двух недель, которые Инна с Ксюшей пролежали в больнице, половина срока пришлось на каникулы. Но и за первую неделю пропущенных уроков директор музыкальной школы грозился Инну уволить. На ее место имелось много претендентов. В их городе наблюдалось перепроизводство музыкальных кадров. Родители двоих (из пяти) частных учеников отказались от Иннинных услуг. Справедливо: Инна вовремя не предупредила, что занятия отменяются.

Но все это были мелочи по сравнению с тем, как споро шла на поправку Ксюша. Ошибившись при первом знакомстве (с большим животиком), Инна более не допускала промашек. Да и сложные психологические головоломки отсутствовали. Ребенок, как в говорят в народе, был недоласканный. Ксюше требовалось тепло – конкретное тепло человека, женщины, которая оберегает. Поэтому Ксюша не сползала поначалу с Иннинных коленей, ластилась, напращивалась на поглаживания, легко засыпала, когда Инна держала на плечах малышки руку. Она, Ксюша, малютка, заваленная в прошлой жизни нарядами, избалованная до крайности, точно нежный цветок в ледяной глазури, оттаивала в Иннинных руках. Но и сама Инна получала какую-то энергию, определения которой не существует, если только не сказать, что на этой энергии живет любовь. У них появился свой мирок, со словечками, историями, сказками, мечтами, размышлениями, догадками, шутками, которые были понятны только им двоим.

Если бы не звучало нелепо, то можно было бы заключить, что девушки влюбились: Инна – в Ксюшу, Ксюша – в Инну И это влечение совершенно очевидно помогало Ксюше бороться с болезнью, крайне тяжелой. Гастродуоденит, то есть воспаление желудка и двенадцатиперст-

ной кишки – не легкая простуда. Уколы, горькие лекарства Ксюша принимала смиренно, если рядом находилась тетя Инна.

Положительное влияние Инны признал даже Игнат Владимирович, который поначалу в штыки принял требования «новых русских» об отдельной палате. А девочки и пацаны, что лежат в отделении, чьи родители не могут губернатору позвонить, они другого сорта? Или их гастриты неопасны?

Борис приезжал в больницу каждый день, звонил по пять раз. Борис и умягчил Игната. Какими-то своими мужскими разговорами в ординаторской во время ночных дежурств Колесникова. Инна подозревала, что в ординаторской они выпивали. На вечернем обходе от Игната Владимировича несло алкоголем, заеденным мятной пастилкой.

– Тебе удалось приручить этого медведя, – признала Инна.

– Отличный мужик, – искренне говорил Борис. – Не подозревал, что такие еще встречаются.

– В других кругах вращаешься.

– Верно. Игнат вселяет надежду в человечество. Только вообрази: здоровый бугай, а ни семьи, ни денег, питается магазинными пельменями, в одних джинсах ходит три года. Одна, но пламенная страсть – лечить детвору. Не переносит вида страдающего ребенка, мне признавался: как жалом в сердце. Пока занозу не вытащит, пока ребенок не поправится, места себе не находит.

– Что тщательно скрывает, выступает этаким суровым командором.

– Да. Конечно, Достоевщина. Всех не вылечишь, но Игнат прет и прет, как бегемот. Уважаю. Плюс, ты понимаешь, к хворой ребятне, еще и мамочки с папочками. Одни беснуются, волосья рвут, другие вообще морды не кажут, сплывили ребенка в больницу и довольны. Не поймешь, кто хуже.

– И он всех, гуртом, отсылает подальше. Ходит в маске наш донкихот?

– Защитная реакция. На таком эмоциональном нерве долго не продержишься. Думаю, Игнат сохнет через несколько лет.

– Если не спился в двадцать пять, в тридцать, в тридцать восемь... Сколько Игнату?

– За сорок, наверное.

– Уже не погибнет. А ты, Борька, похоже, ему завидуешь.

– Кто из наших поэтов писал: «Люблю отчизну я, но странною любовью...»?

– Лермонтов.

– Вот и я, как Лермонтов, завидую Игнату странной завистью. Отдаю должное, но повторить его подвиг, извините, не способен.

Этот разговор повлиял на Инну. Она стала чаще улыбаться Игнату Владимировичу, шутила, легко подтрунивала над ним самим и язвительно – над нравами-порядками больницы. Инной двигала жалость к доброму Айболиту, Инна пребывала в эйфории любви к Ксюше, чувствовала себя волшебницей, которая дарует малышке счастливое выздоровление. Хотя физически это была нагрузка не из легких: сутки за сутками, с редкими перерывами, почти постоянно в телесном контакте с девочкой, руки отваливались, ноги отекали, гудели. Игнат Владимирович, конечно, тоже не в стороне стоял. И когда он, наконец, впервые улыбнулся в ответ на шутку Инны, она испытала моральное удовлетворение: из настырной дамы со связями ее перевели в достойные личности. Инну не тешили комплименты, которые отпускали ее внешности, но она высоко ценила, если признавали за ней исключительные человеческие качества.

В конце первой недели, когда Ксюше стало полегче, Инна вечерами уезжала домой, с дочерью сидел Борис. В больнице душ не работал, поэтому дома Инна мчалась в ванную, быстро мылась, чтобы как можно больше времени (час-полтора) провести с сыном. Ревность Вани удалось погасить только рассказами о страшных страданиях Ксюши. И шланги ей в рот

заталкивают, и уколы постоянно делают, и горько-горькое лекарство заставляют пить, а животик у Ксюши все равно болит, она плачет и плачет.

– Плачет, потому что маленькая и девчонка, – гордо заключил Ваня.

И стал отпускать маму на вечернее дежурство без воплей и обид.

Назвать реакцию Вани жалостью было бы преувеличением. Дети жалости не ведают, поскольку не имеют опыта собственных страданий. Чужие мучения вызывают у них скорее любопытство, поэтому они, например, издеваются над кошкой или отрывают лапки у жучков, крылышки у бабочек.

Ваня с большим интересом расспрашивал маму:

– А как сильно Ксюше больно? Как палец дверью прищелбить?

– Прищемить. Гораздо сильнее.

– Как всю руку?

– Еще больнее. Как нос, например, – отвечала Инна и торопливо собирала вещи. – Не пробовал нос прищемить?

– Что я, дурак? И у Ксюши живот болит. А живот дверью не при... при... ну, как ты говорила.

Инна слегка корила себя за острую, нечаянную и негаданную, любовь к Ксюше. Ведь есть родной сын, а ты готова раствориться в чужом ребенке. Но тут же успокаивала себя: ее любовь к Ване нисколько не уменьшилась, а женщинам свойственно привязываться к несчастным детенышам. Добавим: женщинам, обладающим поистине добрым сердцем. Правда, многие из них реализуют свою душевность с помощью кошечек, бездомных собачек – объектов, ответственность за которые несравнима с ответственностью за маленького человека. Женская сублимация.

* * *

Речи не могло идти о том, чтобы выписавшуюся из больницы Ксюшу отдать в детский сад. Девочка находилась на строгой диете, кормить ее требовалось дробно, часто. Мясные кнели на пару, каши на разведенном молоке, овощи (без нитратов) запеченные... Питание было основным условием выздоровления, окончательный этап которого, по словам Игната Владимировича, должен был наступить, когда Ксюша войдет в период гормональной подростковой перестройки, лет в двенадцать. Следовательно, еще семь лет диеты с постепенным подключением нормальных (и вкусных!) продуктов.

Борис, конечно, заговорил о том, чтобы нанять Ксюше гувернантку, никаких денег не жалко. Но при этом смотрел на Инну и Анну Петровну с явным трепетом, потому что доверить Ксюшу мог только им. Инна усмехалась: хорошая мина при плохой игре. Или наоборот? Анна Петровна махала руками: разве мы отдадим Ксюшу какой-то гувернантке?

Инна поставила единственное, но жесткое условие: Борис должен являться не позже семи вечера. У Ксюши строгий режим и минимум два часа в будний день девочка должна общаться с отцом, привыкать к нему. Кроме того, Борис пусть в лепешку расшибется, но выходные посвящает дочери. Хотя бы один из выходных, смилостивилась Инна, субботу или воскресенье.

– А если у меня запарка, швах и светопреставление на работе? – почесал макушку Борис.

– Нет такой работы, которая сравнится со здоровьем ребенка, физическим и психическим, – отрезала Инна. – Кроме того, если ты не способен организовать свой труд в отведенные для него, труда, часы, то приходится сомневаться в твоих деловых способностях. Конечно, можешь по-прежнему дневать и ночевать на работе, нанять штат нянюшек, гувернанток, хоть академиков от педагогики привлекай. Только не рассчитывай на мою с мамой помощь в этом случае.

– Никакие академики с вами не сравнятся, – пробормотал Борис.

Анна Петровна, оценив по-своему, с дальним прицелом, условие дочери, поддержала Инну:

– И правда, Боречка, ты все-таки отец.

– Ага, спасибо, что напомнили. – И, взяв «под козырек», отсалютовал: – Слушаюсь, товарищи генералы!

Теперь по вечерам Борис забирал из квартиры соседей дочь и Шустрика. Получилось и спрессовать рабочий день, и бизнес не рухнул, и выходные освободились. Само собой сложилось, что Бориса ждали к ужину, без него не садились за стол. На кухне стало тесновато: трое взрослых, двое детей, зато вечерние трапезы проходили весело. Первое время по выходным Борис возил детей в зоопарк, считая его самым увлекательным местом в городе. Через месяц Ваня и Ксюша взбунтовались: не хотим больше волков и зайцев. Пришлось разнообразить досуг посещением театра, кино, детских парков с аттракционами.

Проведя с детьми шесть – восемь часов, Борис выматывался до изнеможения. Инна, успев потрудиться над учебниками, милостиво его отпускала:

– Ладно, свободен. Можешь отправляться на свидание.

– Какое свидание? На работу сгоняю, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.